

Л. Р. Павлинская

ПЕРВАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

Петербургская Кунсткамера — первый естественно-исторический музей России — представляла собой значительное явление в культурном пространстве Европы, так как по замыслу Петра I его основной задачей было просвещение, он был бесплатным и доступным для широкой публики. Датой основания Петербургской Кунсткамеры принято считать 1714 год, когда по указу Петра из Москвы в новую столицу были перевезены его личное собрание художественных ценностей и библиотека, а также анатомические, зоологические и другие коллекции, приобретенные императором в 1698 г. во время его путешествия по Европе. В 1718 г. начинается строительство специального здания для музея. Завершено оно было уже после смерти Петра (1725 г.) и торжественно открыто 22 января 1728 г. Новое здание было отдано созданной в 1724 г. Академии наук, в состав которой были включены Кунсткамера и Библиотека. Здесь же разместились первая в России обсерватория и анатомический театр, а также мемориальный Кабинет Петра Великого. Это целый комплекс учреждений, давший мощный толчок развитию и российской науки, и отечественного музееведения. Более того, здесь родилась этнографическая наука, о чем несколько скептически иногда упоминают отечественные ученые, но это с полным основанием признано учеными европейскими [Соколовский 2012: 80; Фермойлер 2012: 131].

Таким образом, изначально развитие Петербургской Кунсткамеры было теснейшим образом связано с научной деятельностью Академии наук. Формирование ее коллекций осуществлялось крупнейшими учеными, которые в процессе изучения природы и истории Российской империи вырабатывали принципы как собирания коллекций, так и их экспонирования. Это существенным образом отличало Петербургскую Кунсткамеру от кунсткамер Западной Европы, ранние коллекции которых собирались, главным образом, миссионерами, путешественниками, любителями экзо-

тики и носили достаточно разрозненный характер, а в плане экспонирования имели скорее декоративный, чем научный принцип.

Идеей Петра было создание мощного единого государства, успешное управление которым требовало, прежде всего, четко представленных о его географии, природных ресурсах и, главное, населяющих его народах. Последнему российский монарх придавал особое значение. Уже в 1718 г. он направляет в Сибирь находившегося на службе в России немецкого ученого Даниеля Мессершмидта, который, проработав восемь лет, собрал значительные материалы по культуре народов, населявших территорию от р. Оби до Забайкалья. По решению Петра уже после его смерти состоялась и комплексная «Великая Северная экспедиция» (1733–1743), одной из главных задач которой было изучение истории Сибири и ее коренных народов. Результатом работы участников экспедиции явился целый ряд научных исследований и значительное количество этнографических и археологических коллекций, поступивших в Кунсткамеру и создавших значительную часть ее экспозиции.

По замыслу Петра Петербург должен был стать самым большим портом России, не уступая по своей красоте и величию крупнейшим городам Европы. Согласно этому замыслу и первый российский музей должен был соответствовать и даже превосходить европейские собрания. Уже на начальном этапе среди его коллекций значительное место занимали предметы декоративно-прикладного искусства Китая, имелись экспонаты из Индии, стран Ближнего Востока и Европы, Америки и Японии, а также коллекции по культуре народов Российской империи — Сибири и Поволжья.

Большое значение в истории российской Кунсткамеры имел тот факт, что все выставленные здесь экспонаты методично зарисовывались художниками, для чего в Петербург из Амстердама в 1717 г. были приглашены Доротея Мария Графф и ее муж Георг Гзелль, несколько позднее к этой работе подключились и отечественные мастера Гравировальной палаты при Академии наук [Мейерс 2003: 24]. Таким образом, была проведена точная фиксация основной части музейного собрания. В настоящее время эти рисунки хранятся в Архиве Академии наук, Государственном

Эрмитаже и Русском музее Санкт-Петербурга. Они представляют собой своеобразный «нарисованный музей», сохраняющий в себе представление о первой экспозиции Петербургской Кунсткамеры, большая часть экспонатов которой была безвозвратно утрачена в пожаре, охватившем здание 5 декабря 1747 г. [«Нарисованный музей...» 2003]. Важным дополнением к этим рисункам являются первый каталог Кунсткамеры — *Muzeum Imperiali Petropolitani*, изданный в 1747 г. незадолго до пожара, и реестр сгоревших музейных экспонатов, составленный к июлю 1748 г. [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247]. И в каталоге, и в реестре перечень этнографических экспонатов расположен в соответствии с музейной экспозицией, с указанием номеров шкафа и предмета. Все это и дает возможность в определенной степени реконструировать этот ее раздел.

Первым крупным шагом в осуществлении этой идеи явилось издание всех сохранившихся рисунков, предпринятое учеными Санкт-Петербурга и Амстердама в рамках совместного проекта и воплотившееся в двух томах «Нарисованный музей. Петербургской Академии наук. 1725–1760» (2003). Настоящее издание дает достаточно целостное представление о характере собрания первого российского музея. И это большое достижение в изучении истории государства и развития его науки и культуры в XVIII в.

В новом здании музейные коллекции были размещены в трех залах: в двух залах первого этажа — анатомические, зоологические, минералогические и «Императорский кабинет», в котором были выставлены экспонаты из личного собрания Петра I, инструменты и научные приборы, а также некоторые художественные раритеты, носящие мемориальный характер [Принцева 2003 а: 183, она же 2003 б: 198]. В западном зале второго этажа разместились этнографические, археологические коллекции, а также живописные и другие произведения искусства.

Однако «Нарисованный музей» не дает нам представления об облике этнографической экспозиций Петербургской Кунсткамеры, так как рисунки музейных экспонатов расположены в данном издании по региональному принципу. Попыткой осуществить в какой-то степени реконструкцию этой экспозиции и является настоящая публикация. Этнографические коллекции занимали четырнадцать шкафов, имеющих номера с IX по XXII.

Шкаф IX был в основном посвящен культуре народов Сибири. В нем размещалось 66 предметов. Из них 55 были сибирскими, 50 из них отражены в рисунках. Здесь были представлены зимняя меховая орнаментированная одежда, обувь и головные уборы угров и самодийцев, а также остяцкая (хантыйская) шуба из птичьих (лебязких) шкурок, полный мужской костюм, охотничий пояс и головные уборы тунгусов (эвенков), мужской зимний головной убор якутов, богато декорированные мешки для хранения одежды и бытовых вещей угров (хантов), а также поплавков из цельной шкуры тюленя эскимосов или приморских чукчей. Как видим, сибирская экспозиция шкафа носила достаточно цельный характер, будучи посвященной в целом культуре угров, самодийцев и тунгусов с вкраплением двух предметов из культуры других народов [Павлинская 2003: 254]. Однако в этот шкаф были помещены также деревянные башмаки (два французских и один датский), «которые блаженной памяти Его Величества Император Петр I из немецкой земли с собою привез для памяти в Кунсткамеру положить изволил», русский лапоть, а также «костюм из жилета и брюк, удобный плавания» (по всей видимости, из Европы) и «американский колпак из нитей кокосового ореха» [Принцева 2003 б: 203]. Мы можем предположить, что европейская обувь, ремесленный костюм и американский (?) головной убор были выставлены рядом с сибирскими коллекциями с желанием продемонстрировать контрастность культур.

Шкаф X также представляет разнообразный набор экспонатов. Значительную часть его пространства занимали предметы культуры народов Поволжья, всего 23 экспоната. Это праздничный чувашский женский кафтан, праздничные женские рубахи с вышивкой мордвы и удмурдов, мужские кафтаны, обувь и чулки удмурдов и черемисов (марийцев), а также значительное количество предметов свадебного ритуала народов Поволжья: 17 праздничных платков, четыре пояса, женское нагрудное украшение и уникальный марийский головной убор невесты из бересты, полотна, меди и стеклянных бус. Из сибирских экспонатов в нем находились головной убор из птичьих перьев и суконные нарукавники, этническую принадлежность которых установить невозможно ввиду отсутствия рисунков, остяцкий (хантыйский) мешочек из

рыбьей кожи и нганасанский женский танцевальный (и погребальный) венец. Кроме того, в этом шкафу и выставлены, видимо, рисунок (в реестре начало записи выглядит неразборчиво), «представляющий платье разных монашеских орденов», а также головные уборы повара турецкого султана и дервиша, «запястья индийские из разноцветных перьев», «шишак черепаховый», монгольская сумка с ложкой из слоновой кости и три финских (или саамских) кошелька [Павлинская 2003: 255].

Шкаф XI по набору выставленных в нем экспонатов, согласно каталогу, отличался некоторой «экстравагантностью». В нем находилось девять предметов женской одежды из Аргентины, чувашский военный шлем, вышитые перчатки и разнообразная обувь из Персии, пояс целомудрия и два образца обуви из Европы. Помимо этого в нем было и 15 экспонатов из Китая, среди них — театральный (?) военный костюм, несколько элементов верхней и нижней одежды, семь пар различной традиционной обуви и один сапог из Японии [Принцева 2003 б: 204–206; Меньшикова 2003: 283–284]. Несмотря на широкий географический диапазон, в этой экспозиции присутствует логика — стремление показать разнообразие одежды народов мира.

Достаточно высокая цельность экспозиции была присуща шкафу XII. Здесь были выставлены четыре шаманских костюма, два из которых благодаря рисункам мы можем с уверенностью отнести к культуре забайкальских тунгусов, два женских шаманских головных убора, две уздечки и мужской наборный пояс бурят, а также «шапка остяцкая с перьями по ней белым волосом вышиты узоры». К сожалению, рисунок последнего экспоната отсутствует, так что о его принадлежности к культуре угров судить трудно. Однако основу экспозиции, как мы видим, составляли предметы, характеризующие культуру народов Байкальского региона.

Несколько иным по набору представленных коллекций, но также цельным по характеру экспозиции был шкаф XIII. В нем были выставлены все имевшиеся в Кунсткамере шаманские бубны (шесть экземпляров), достаточно большая коллекция (13 предметов) берестяной утвари угорских народов и пока не идентифицированный экспонат, который в реестре значится как «скатерть самоедская берестяная которую свернуть и разогнуть можно».

Практически все предметы этой экспозиции, кроме последнего, отражены в рисунках.

Шкаф XIV был полностью заполнен предметами культа сибирских народов, т.е. различными изображениями духов-предков, духов-хозяев или духов-помощников шамана, названных в реестре «идолами», а также три птичьих лапы (по всей видимости, подвески шаманского костюма) и лапа медвежья. Здесь же был выставлен тунгусский рогатый охотничий головной убор из цельной шкуры косули, который, видимо, был воспринят как ритуальный. Кроме того, присутствовало украшение нагрудного ремня конской сбруи с «изображением головы Геракла в фас, датируемое IV–III вв. до н.э., возможно из Сибири [Принцева 2003 б: 206]. К сожалению, рисунки большинства этих экспонатов утрачены, сохранились лишь изображения птичьих и медвежьей лап и тунгусского головного убора.

Шкафы XV, XVI, XVII и XVIII были практически полностью посвящены произведениям декоративно-прикладного искусства Китая. В них размещалось свыше 300 экспонатов: изделия из фарфора, бронзы, поделочного и полудрагоценного камня, глины, дерева, кости. Это были в основном произведения мелкой пластики — фигурки бодхисатв, даосских божеств, животных, различные изделия с благопожелательной символикой, письменные принадлежности. Однако в XVI и XVIII шкафах были выставлены также несколько десятков накладных пластин от наборных поясов и конской сбруи древнетюркского времени, а также фигурки оленей, лошадей и других животных скифского периода. Все эти изделия были извлечены из курганов на территории Южной Сибири [Меньшикова 2003: 283–299].

Экспозиция XIX шкафа была необычайно пестрой и по характеру представленных в ней экспонатов, и по их географии. Здесь были выставлены предметы из Индии, Тибета, Персии, Ближнего Востока, Кавказа, Поволжья, Европы, Южной Америки. И тем не менее в ней прослеживается определенная логика. Основное место здесь занимало оружие — ножи и кинжалы с разных регионов мира. Вторую часть экспозиции занимала большая коллекция четок как из Европы, так и с Востока. Кроме этих двух групп экспонатов в шкаф были помещены костяные миниатюрные ложечки

из Средней Азии (?), чайный и кофейный сервизы из тростника из Южной Америки (?), индийские деревянные сосуды, кожаные кисеты калмыков и образцы табака.

Подобный характер имела экспозиция шкафа ХХ. В нем были выставлены личные вещи шведского короля Карла XII, которые соседствовали, как записано в реестре, с «разным скарбом иностранного народу»: кубки, чашки, ложки, два штыка и ножи, главным образом из Германии, Нидерландов и Швеции, роскошный головной убор и модель корабля из Индонезии, бивень мамонта и два рога нарвала [Принцева 2003 б: 220–223]. Среди этого набора самых разнообразных экспонатов присутствовали четыре стремени, относящиеся к древнетюркскому периоду (в широком понимании этого термина). Согласно реестру эти предметы были «вырыты на кладбище», но «вырыты» они могли быть только в Южной Сибири, причем скорее всего в Минусинской котловине и в Прииртышье, так что вполне возможно, что они попали в музей в составе коллекций Второй Камчатской экспедиции, так как раскопки в это время проводил только Миллер [Павлинская 2003: 272].

Шкафы ХХI и ХХII были заполнены в основном археологическими коллекциями, среди которых было значительное число предметов из Сибири, но отсутствие рисунков с этих экспонатов не позволяет нам определить, к каким культурам они принадлежат и из каких конкретно районов они поступили в музей. Основной акцент в подборе предметов в шкафу ХХII сделан на оружии и орудиях охоты, среди которого были выставлены немецкие, испанские, китайские, русские и сибирские виды: от маленькой пушки до копий. Среди этих весьма разнообразных предметов находились и «Три лотки кожей обитые северных народов, на которых они за рыбной ловлей ездят», т.е. палеоазиатские каяки.

Итак, краткое описание этнографической экспозиции в первом российском музее — Петербургской Кунсткамере — дает достаточно четкие представления о состоянии музейного дела в России в первой половине XVIII в. Можно с полной уверенностью говорить о наличии определенной системы в организации общей экспозиции. Наиболее многочисленными в музее того времени были коллекции по культурам Сибири и Китая. Каждое из этих собра-

ний было объединено в нескольких шкафах, создавая достаточно цельную картину культур этих регионов. В подборе экспонатов в других шкафах также прослеживается определенная логика, проявляющаяся или в однотипном характере самих предметов, или в материале, или в стремлении создать комплекс из разнообразных предметов.

Между тем самым большим достижением музееведения в России первой половины XVIII в. была фиксация экспонатов в рисунках. Их коллекция представляла собой не что иное, как нарисованный музей, сохранивший для потомков достаточно полное представление о богатстве первого собрания Кунсткамеры, погибшего при пожаре 1747 г. Все это позволяет говорить о том, что первый государственный музей России не уступал по уровню своего развития многочисленным музеям Европы и действительно являлся тем корнем, из которого произросло музееведение нашей страны.

Сокращение

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

Библиография

Мейерс Д.Й. «Нарисованный музей как жанр. Петербургский корпус рисунков в европейском контексте / «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. Т. 1. С. 16–43.

Меньшикова М.Л. Рисунки китайских вещей из собрания Кунсткамеры Петра I // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 277–315.

«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003.

Павлинская Л.Р. Рисунки коллекций Петербургской Кунсткамеры XVIII в. с предметов культуры народов Сибири и Поволжья // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 253–275.

Принцева Г.А. Рисунки инструментов и научных приборов // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003 а. Т. 1. С. 183–193.

Принцева Г.А. Художественные и мемориальные раритеты // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003 б. Т. 1. С. 198–230.

Соколовский С.В. Прошлое и настоящее российской антропологии // Антропологические традиции. Стили, стереотипы, парадигмы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 78–108.

Фермойлер Х.Ф. Антропология в Нидерландах: прошлое, настоящее и будущее // Антропологические традиции. Стили, стереотипы, парадигмы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 130–160.

М. В. Хартанович

РЕФОРМЫ АКАДЕМИИ НАУК ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ОТ КУНСТКАМЕРЫ АКАДЕМИИ НАУК К ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ

Начало XIX в. в России ознаменовалось реформами в области государственного строительства. Были проведены реформы административного аппарата, судопроизводства, экономики и торговли, просвещения. Большое внимание было уделено развитию производительности промышленности и земледелия, причем значительная роль в этом процессе была отдана Академии наук. Императорским указом Академия наук обязывалась публиковать на русском языке сведения из иностранных журналов об открытиях в промышленности и сельском хозяйстве, а также известия, «могущие служить к возбуждению общей деятельности испытаний и вкуса к просвещению» [Предтеченский 1957: 209–210].

Однако в реформе нуждалась и сама Академия наук, чья деятельность регулировалась устаревшим Регламентом, принятым в 1747 г. Идея преобразования Академии была близка, прежде всего, самим академикам.

15 декабря 1801 г. академики Н.Я. Озерецковский, С.Е. Гурьев и адъютант А.Ф. Севастьянов подали императору Александру I письмо, в котором ученые с болью описывали ситуацию в Ака-